

МИР В КВАДРАТЕ (МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА В МИКРОНЕЗИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ)

Обычно под моделированием пространства подразумевается его сегментирование с последующим наделением локусов различными свойствами, качествами, значениями. В культуре микронезийских навигаторов восприятие пространства как физического понятия и оперирование им по ряду параметров существенно отличается от того, к чему мы привыкли в собственной культуре и что кажется нам неоспоримым и однозначным. Коснемся одного из примеров, иллюстрирующих специфику мировосприятия микронезийского мореплавателя.

Система ориентирования по звездам, распространенная повсеместно в Океании, в частности на Каролинских островах, получила в литературе наименование «звездный компас». Суть этого навигационного метода в том, что направления на различные острова привязаны к точкам восхода и захода определенных звезд. Помимо самого факта ориентирования это явление имеет в культуре и свой способ изображения. На стадии обучения навигации компас выкладывается из камешков, расположенных в соответствии с направлениями на используемые в качестве ориентиров звезды. Описание звездного компаса Каролинских островов достаточно часто встречается в источниках [Goodenough 1953; Akerblom 1968; Alkire 1970; Gladwin 1970; Глэдвин 1995 и др.], т.к. многие исследователи, работающие над проблемой океанийской (микронезийской) навигации, уделяли внимание этому явлению. Все эти описания в целом единообразны, незначительные расхождения в количестве навигационных звезд могут объясняться тем, что, несмотря на единый принцип, на каждом отдельном атолле существовал свой набор основных маршрутов.

Главное различие в том, что некоторыми авторами компас изображается в виде круга, в то время как другими — в виде квадрата. Очевидно, что квадратная схема более архаична, а появление окружности в изображении звездного компаса связывают с внедрением европейских навигационных знаний. В то же время известно, что даже навигаторы, знакомые с европейской системой деления горизонта, продолжали использовать не только автохтонные названия звезд для указания направлений (вместо того, чтобы выражать их в градусах), но и четырехугольную систему [Alkire 170: 42]. Представляется, что процесс, в результате которого квадрат «превратился» в круг, имеет обоюдный характер. Дело не только во внедрении европейских знаний в культуру микронезийского навигатора, но и в адаптации микронезийских системы к сознанию европейского исследователя.

Возьмем описание беседы с навигатором с острова Ифалук [Burgows, Spir 1957: 93]: «Том называл мне звезды по памяти, <...> и я записывал их на лист бумаги, с нарисованным на нем *кругом* (курсив мой. — А.Л.) <...>

Том не возражал против того, что я использую круг, поскольку сам был знаком с европейским компасом». Из самого этого описания и из контекста ясно, что, во-первых, этнограф знаком с традиционным вариантом, а информант — с европейским. Во-вторых, носитель не видит препятствий для переноса данных с одной проекции на другую, и, в-третьих, возможно, именно поэтому исследователь не видит принципиальной разницы между квадратом и кругом. Все это означает, что в ряде случаев мы не можем с точностью утверждать, где заканчиваются изменения, которые схема претерпела непосредственно в культуре, и где начинаются результаты исследовательской реконструкции.

Подобная нечеткость сама по себе, возможно и не является ключевой проблемой при изучении традиционных методов микронезийской навигации. Однако ее возникновение не случайно, поскольку тесно связано с задачей интерпретации традиционной схемы, и в конечном счете с выявлением особенностей пространственного видения микронезийского мореплавателя. Задача эта на данный момент представляется нерешенной. Исследователи, рассматривающие звездный компас в виде круга, могут упоминать (Buttows, Spigo) или не упоминать (Глэдвин) о существовании альтернативы. Исследователи, приводящие квадратную схему (Alkire, Sarfert), констатируют этот факт, даже акцентируют на нем внимание. Но ни в том, ни в другом случае, удовлетворительных объяснений этому факту пока не существует. Элкайр говорит, что сами носители культуры отчасти рассматривают это как мнемонический прием: подобная организация информации якобы способствует более легкому запоминанию — «угловые» точки дополнительно систематизируют схему. Однако такое объяснение кажется вторичным и несколько натянутым. Оно дается уже в настоящее время и не связано с возникновением четырехугольной схемы. Удобство запоминания может быть следствием, но не причиной ее появления. Надо полагать, что для создания модели должны были быть более веские основания, поскольку микронезийский навигатор должен удерживать в памяти такой огромный объем знаний, что подобная «шпаргалка», очевидно, не слишком упростит его задачу.

Для того чтобы ответить на вопрос, почему в культуре микронезийского навигатора возникает мир с «квадратными границами», необходимо, прежде всего, четко сформулировать первоначальное, природное явление, на основании которого создан микронезийский звездный компас. Следующим шагом будет попытка реконструкции с использованием принципов, позволяющих построить квадратную схему. Сравнение этих принципов с теми, по которым схема реконструируется в круглом («европейском») варианте, возможно, позволит определить особенности пространственного видения микронезийского мореплавателя.

Микронезийский звездный компас основан на фиксации направлений на звезды, появляющиеся на горизонте. Схема компаса — это фактически проекция видимых границ земной поверхности. В этой связи необходимо про-

комментировать встречающееся мнение о том, что возникновение круглой формы микронезийского компаса связано с распространением компаса европейского. В практическом плане это возможно, т.к. использование компаса как вспомогательного инструмента для определения направлений на навигационные звезды могло привести к фиксации этих направлений на форму соответствующую картушке компаса. Однако, как было отмечено, проблема носит двойственный характер: одна ее сторона заключается в калькировании некоторых европейских знаний микронезийской культурой, а вторая — в реконструкции реалий микронезийской культуры европейской наукой. В этом смысле сравнение системы мнемонических приемов микронезийского навигатора и принципа действия европейского навигационного инструмента не может быть корректным, поскольку это явления разного порядка. Необходимо четко проводить различие между двумя взаимосвязанными, но не идентичными понятиями, существующими в нашей собственной культуре — конфигурацией видимого горизонта и системой его деления. Картушка европейского компаса не является непосредственным изображением видимого горизонта. Абстрактно-универсальный характер европейской навигационной науки требует учитывать *все* существующие направления для каждой точки, в которой может находиться наблюдатель, что достигается полным оборотом вокруг своей оси, т.е. созданием круговой системы деления. Однако круглая форма звездного компаса в европейской трактовке обусловлена не сведением к форме одноименного европейского инструмента, а тем, что она является изображением радиуса видимого горизонта, поскольку именно это явление эквивалентно тому, что лежит в самой основе звездного компаса.

Очевидно, что при создании его модели микронезийский навигатор не мыслит европейскими понятиями. Отсутствие абстрактного подхода и универсалий является основным отличием микронезийской навигационной системы от европейской, что в каждом конкретном случае может выражаться в различных формах. В данном случае можно отметить следующее. Навигатор воспринимает пространство, в том числе плоскость горизонта в его цельности, образно. «Север», «юг», «запад» и «восток» для него не являются сторонами света в нашем понимании. На формирование особенностей изображения пространства влияют конкретные окружающие факторы и объекты, в первую очередь сами звезды. Поэтому для микронезийского мореплавателя приоритетным является изображение не сплошной линии горизонта, а конкретных объектов — навигационных звезд. Принцип, по которому они выбираются, и, следовательно, их расположение в силу некоторых географических особенностей региона обладают определенной спецификой.

Каролинский архипелаг значительно вытянут в широтном направлении. Очевидно, что при перемещении в пределах архипелага мореплаватель будет двигаться в целом на запад или восток. Возможные отклонения к северу-югу относительно невелики, поэтому направления на различные острова будут отличаться на небольшой курсовой угол. Как следствие эти направ-

ления требуют значительной степени проработанности, и расположение навигационно-значимых звезд в компасе Каролинских островов отражает эту особенность. Наибольшее их количество плотно располагается на восточной и западной стороне горизонта. Секторы, в которых расположены ориентиры, выбранные для северной и южной сторон горизонта, также достаточно компактны, но ориентиров здесь меньше и они менее точные, т.к. в этом качестве могут использоваться не отдельные звезды, а целые созвездия. Так, на юге фиксируется всего пять точек, а для определения их всех служит Южный Крест, находящийся в разных положениях над горизонтом. Это объясняется тем, что северный и южный секторы при плавании примерно вдоль широты будут располагаться на курсовом угле около 90° . Очевидно, что они не могут быть точными ориентирами и служат лишь для дополнительной, опять-таки приблизительной корректировки курса. Что же касается направлений на NE, SE, SW и NW, то они практически не востребованы, а потому представлены совсем слабо — в южном секторе тремя позициями, а в северном — одной.

Другой особенностью является то, что Каролинские острова расположены близко к экватору — в пределах 10° северной широты. А так как в экваториальных широтах звезды движутся параллельно экватору под углом 90° к горизонту, угол их отклонения от меридиана одинаков на восходе и на заходе.

Вследствие всего этого, с точки зрения расположения небесных тел, во-первых, восток и запад оказываются зеркально симметричны друг другу. Север и юг — нет. Тем не менее принцип движения звезд на этих направлениях чрезвычайно похож — они проходят по пологой дуге, вставая и садясь также симметрично к меридиану. Во-вторых, учитывая общую компактность навигационно-значимых частей горизонта, стоя лицом к какой-либо стороне света, наблюдатель практически охватывает взглядом весь соответствующий сектор. Это значит, что линия горизонта может быть организована не как окружность, а как две пары соотносимых друг с другом секторов (рис. 1а). Кроме того, у микронезийского наблюдателя, не знакомого с понятием координат и круговой системой деления горизонта, исходя из чисто визуальных впечатлений не было оснований полагать, что, например, Полярная звезда располагается *севернее* Кассиопеи. Последняя просто восходит *справа* и садится *слева* от первой, и таким образом дуга окружности может восприниматься как прямая. Можно представить, что точки восхода-захода экваториальных звезд располагаются на одной паре параллельных прямых, точки восхода-захода полярных звезд — на другой. При проекции схемы на плоскость первые образуют «вертикали», вторые — «горизонталы», хотя остаются несными причины позиционирования севера, как и на наших картах, наверху схемы. Немногие звезды, расположенные на NE, SE, SW и NW, могут проецироваться на обе прямые и образуют, таким образом, «углы» схемы (рис. 1б).

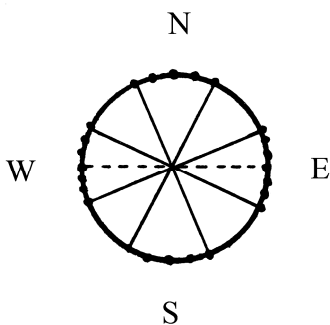

Рис. 1а

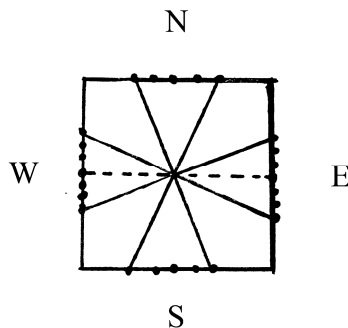

Рис. 1б

Помимо точек соприкосновения звезд с горизонтом, важным аспектом является то, что Глэдвин называет «формой неба». Это их движение, или «путь звезд». Именно так на языке каролинцев называется то, что мы именуем звездным компасом. Представляется, что особенности изображения (проецирование) этого движения тесно связаны с особенностями изображения самого компаса. При изображении траекторий небесных тел, в том числе и на звездном компасе, мы придерживаемся двух основных законов: 1) для наблюдателя на экваторе звезды движутся параллельно экватору; 2) каждая звезда движется по широте, соответствующей своему склонению. Исходя из этих вполне очевидных данных мы допускаем в схеме две (не менее очевидных) ошибки, или, говоря точнее, допущения: 1) мы проецируем движение небесных тел на землю, глядя как бы *снаружи* или *сверху*, но, руководствуясь тем, что мы видим с земли, т.е. переносим угол зрения на 180° ; 2) мы смотрим *одновременно* с каждой широты или, учитывая условно внешнюю позицию, со всего множества точек, соответствующих склонениям всего множества звезд, ведь в виде прямой можно спроецировать только траекторию светила, располагающегося на широте наблюдателя (рис. 2а). Подобная схематизация адекватно сочетается с круговым изображением земли, а вот перепроецировать ее на плоскости в квадрат невозможно без использования угловых значений, т.е. той же круговой системы деления (рис. 2б).

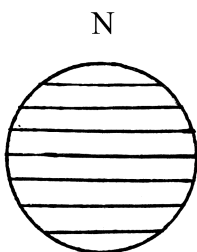

Рис. 2а

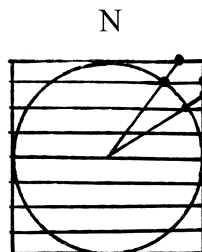

Рис. 2б

С точки зрения наблюдателя, находящегося на широте экватора и не пытающегося создать абстрактную схему из космоса, а смотрящего *снизу*, т.е. делающего проекцию на небо, траектории звезд должны выглядеть приблизительно так (рис. 3а). При продолжении этих линий именно кривизна траектории, т.е. то, что отражает положение светила по отношению к наблюдателю, в том числе, его склонение, позволяет спроецировать их на все четыре стороны квадрата, сохранив угловое положение точек восхода-захода звезд (рис. 3б).

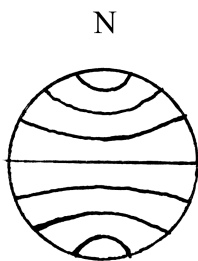

Рис. 3а

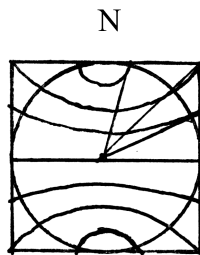

Рис. 3б

Последняя схема является реконструкцией звездного компаса на основании таких аспектов наблюдения за движением небесных тел, с одной стороны, и принципов их изображения — с другой, которые позволяют построить квадратную модель. Сравнив ее с моделью (2а), соответствующей европейским законам проецирования, можно попытаться выявить специфику и причины возникновения изучаемого явления.

Обе модели имеют две составляющих: форма схемы является изображением земли; с помощью линий, являющихся проекциями движения небесных тел, «нарисовано» небо. В европейской трактовке микронезийского компаса мы видим объемную землю, т.к. круглая линия видимого горизонта есть следствие наших представлений о сферической форме земли. Небо, напротив, оказывается «плоским», т.к. вышеуказанные особенности проецирования траекторий небесных тел, заставляющие изображать последние в виде прямых, следуют из того, что бесконечно глубокое пространство (каковым оно является в современных европейских представлениях) может формально проецироваться только как плоскость. На четырехугольной модели картина обратная. Кривизна движений звезд отражает видимую «форму неба», т.е. сферичность небесного свода. А вот радиус видимого горизонта здесь, напротив, «развернут» примерно так же, как это происходит с координатной сеткой при ее переносе со сферы на плоскость. Точки, восхода-захода звезд на квадратном микронезийском компасе равноудалены не от точки, на которой находится наблюдатель, а от плоскости наблюдателя, ориентированной по меридиану, что, в данном случае также не будет ошибкой при выходе за рамки видимого горизонта. Переместимся по меридиану в точку A' , и расстояние до точки захода звезды B' , проходящей здесь через

широту наблюдателя, окажется равно AB , т.е. радиусу видимого горизонта (рис. 4).

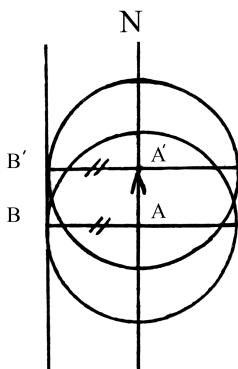

Рис. 4

Сопоставив все это, можно полагать, что квадратная микронезийская схема звездного компаса лаконично и по-своему точно отражает соответствующую картину мира. Эта схема предстает как результат традиционных представлений, синтетическое изображение плоской земной поверхности и скрыто присутствующего (как проекционное соответствие) сферичного (куполообразного) небесного свода.

Это не означает, что микронезийский навигатор, создавая свою систему, рассуждает сходным образом. Естественно, что, оставаясь в рамках мышления, свойственного европейскому способу познания, мы так или иначе транскрибировали микронезийскую схему на свой язык. Предложенная реконструкция — это лишь попытка связать явление и способ его выражения, понять систему, которая, на наш взгляд, может рассматриваться как образец альтернативной астрономии и навигации. Практически любое изображение пространства, не исключая и европейские картографические проекции, формируется в процессе перевода трех измерений в два, а значит, является условным. Механизмы этого перевода могут быть различны и зависят, в частности, от конкретных практических задач и способов их решения, а значит, различны могут быть и результаты. Хочется подчеркнуть, что, если способы успешны и микронезийские модели пространства отвечают поставленным задачам, едва ли можно говорить об их «неправильности», «примитивности» и т.п. только потому, что они отличаются от нашей собственной знаковой системы.

Библиография

Глэдвин Т. Навигаторы Тихого океана: Навигация и логика на атолле Пулуват. СПб., 1995.

Akerblom K. Astronomy and navigation in Polynesia and Micronesia. Stockholm, 1968.

Alkire W. System of measurement in Woleai atoll, Caroline islands // *Anthropos*. 1970. Vol. 65. № 1–2. P. 1–73.

Burrows E.G., Spiro M.E. An atoll culture. *Ethnographi of Ifaluk in the Central Carolines*. New Haven, 1957.

Gladwin T. East is a big bird // *Natural history*. 1970. Vol. 79. № 4. P. 24–35.
Gladwin T. East is a big bird // *Natural history*. 1970. Vol. 79. № 5. P. 58–69.

Goodenough W., Thomas S. Traditional navigation in the Western Pacific // www.museum.upenn.edu/Navigation/. 1997

Дж.И. Месхидзе

О ПОРТУГАЛЬСКОЙ ГИТАРЕ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ К.Н. ПОСЬЕТА

«Чем ближе музыка похожа на диалект, аналогичный языковому, тем ближе она к национальной определенности».

Теодор В. Адорно. *Введение в социологию музыки*

В «мадейскую коллекцию» адмирала Константина Николаевича Посьета (1819–1899), поступившую в 1899 г. в фонды Кунсткамеры по завещанию в качестве дара, входит маленькая четырехструнная португальская гитара, или «щипковая лютия» — *маиэти* (МАЭ РАН. Колл. № 472–3). К сожалению, никакой информацией ни о мастере, изготовившем инструмент, ни о его владельце мы не располагаем. Что же касается самой коллекции, то она, по-видимому, была приобретена мореплавателем во время одного из непродолжительных посещений острова — в 1853 г. либо 1866 г. [Месхидзе 2004].

Название «*маиэти*» происходит от кастильского слова «*machete*» («мачете»), связанного с «*machado*» (исп. — «мачадо», португ. — «машаду»), этимологически восходящему к латинской лексеме «*marculatus*» — деривату «*marculus*» / «*martulus*», уменьшительному от «*marcus*» — «молот». В XVIII в. термин «*machete*» обозначал «*viola pequena*» — «маленькую виолу» [Machado IV, 1977: 11].

Как одна из разновидностей португальской гитары, в частности *кавакиньо*, *маиэти* получила специфические черты непосредственно на Мадейре.

Путешественники, бывавшие в Фуншале в середине XIX в., среди характерных особенностей местных португальцев наряду с любезностью и склонностью к карточной игре отмечали любовь островитян к пению под гитару. Даже сам мадейский говор поражал «странным “поющим” тоном» [Hochstetter 1861: 20, 21]. Примечательно, что архипелаг (так же как Азорские острова и округ Браганса) является основным хранилищем весьма значимого жанра португальской песенной поэзии — «романсейру» — эпических народных песен, сложившихся в период Реконкисты и связанных с расцветом инструментальной музыки, которую сочиняли для *виуэлы* [Rodrigues Azevedo 1880; Viegas Guerreiro 1978].